

Миронова Наталья Геннадьевна

канд. филос. наук, доцент

Институт истории и государственного управления

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»

г. Уфа, Республика Башкортостан

DOI 10.31483/r-75104

ЦИФРОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК «МЯГКАЯ СИЛА» КУЛЬТУРНОЙ РЕФОРМАЦИИ

Аннотация: рассматриваются социальные последствия дигитализации образования.

Ключевые слова: цифровые образовательные платформы, информационная безопасность, Massive Open Online Courses (MOOC), эпигенетика.

Образование, будучи инструментом трансляции от поколения к поколению знаний, установок, социального опыта и технологий, определяет будущее, в котором будет существовать нация в ближайшем будущем. Последние десятилетия образование служит инструментом «мягкой силы», с помощью которой осуществляется глобальная трансформация социального бытия целых регионов. Реформа образования – составляющая и один из инструментов этих преобразований на протяжении последних десятилетий.

Система образования – традиционный инструмент трансляции социокультурного опыта народов, средство формирования навыков социальной коммуникации и знаний об окружающем мире, средство поддержания межпоколенческой преемственности. Между тем именно указанные свойства образования подвергаются интенсивному размыванию и реформированию.

Мы наблюдаем интенсивное внедрение «безлюдных» образовательных технологий – дистанционное обучение с использованием образовательных платформ, где роль личности преподавателя сводится к технической функции участника формализации профессиональных компетенций, позволяющих предоставлять «образовательные услуги» под быстро меняющиеся запросы корпораций,

которые, в свою очередь, подстраиваются под сиюминутную рыночную конъюнктуру, стихийно отражающую конкурентную борьбу этих корпораций за доход. Роль образования как фактора формирования культуры уменьшается (если не сводить культуру лишь к технологии и экономическим отношениям). В частности, компании-агрегаторы информационного контента входят в бизнес по предоставлению образовательных услуг и вытесняют традиционные образовательные институты – школы, университеты, – как это происходит, мы видим, например, во время вынужденного карантина, введенного по поводу эпидемии COVID-19 государствами; в этот период российские традиционные учебные заведения поставлены в почти равные условия существования с образовательными платформами и агрегаторами баз знаний и даже оказываются в зависимости от технологий и сервисов образовательных платформ, поскольку процесс дистанционного обучения вузов, школ, ссузов в эти весенние дни 2020 года технически мало отличается от дистанционного «предоставления образовательных услуг» коммерческими интернет-сервисами. При этом некоторые из интернет-сервисов, предоставлявших коммерческие online-курсы, снизили стоимость дистанционного обучения на несколько недель. Обществу предоставляется возможность сравнить «классическое» и дистанционное обучение; поскольку второе дешевле и проще в освоении (т.к., как правило, сводится в задаче ознакомления с материалом, нетрудно предположить, какой вывод может быть сделан молодыми людьми при сравнении этих двух форм образования...). Несмотря на слова о том, что России нужны свои национальные образовательные платформы, в настоящее время используемые в России образовательные платформы – по-прежнему западные коммерческие проекты, для которых преподаватели, вуз, школа выступают в роли пользователей, а формат получения знаний пользователями (тьюторинг, тестирование, сессии видео-лекций, весь «протокол» прохождения процесса обучения) заимствован из западной и сингапурской моделей обучения. Образовательные платформы расширяют и свое социальное влияние в области за рамками образовательного процесса: предлагается предоставить им контролирующие, целеполагающие, финансово-посреднические функции между учащимся,

---

бизнесом и государством; образовательные платформы предлагается использовать для выстраивания «персональной траектории развития» обучаемого на протяжении всей жизни, начиная с первых лет жизни человека [1, с. 63–68].

Между тем у дистанционного интернет-обучения есть минусы, которые не видны для потребителя «образовательного контента» в процессе «получения образовательной услуги», а выявляются лишь когда обучившийся приступает к профессиональной деятельности. Здесь-то и выясняется, что зачастую знания, усвоенные глазами в процессе просмотра и выполнения каких-то тестов или кратких и часто формальных заданий по результату ознакомления с материалами (а именно такой формат имеет подавляющее большинство дистанционных учебных курсов), лишь кажутся обучившемуся усвоенными, но «выветриваются» сразу после получения сертификата об окончании учебного дистанционного курса, т.к. имеют узконаправленный характер и отнюдь не способствуют формированию системных связей знаний, «карты опыта», картины мира. Классические же образовательные учреждения же (вузы, ссузы) же все еще имеют возможность обеспечить междисциплинарные и другие связи, обеспечить системность в усвоении знаний и получении опыта, поставить обучаемого в условия практического применения теоретических знаний (в ходе прохождения практик, индивидуальной практической работы под «очным» руководством преподавателя, куратора). Опыт и личность преподавателя, контакт с которым сведен или почти сведен к нулю в дистанционных формах обучения, оказывает в традиционном обучении нередко значительное влияние на личность обучаемого именно благодаря непосредственной трансляции культурного, житейского, личностного опыта, обогащенного специальными знаниями и компетенциями, которых просто невозможно формализовать в дистанционных формах (дистанционных курсах, текстах, видеороликах и т. п.).

Между тем именно этот последний аспект – трансляция культурного и личностного опыта, участие преподавателя-человека как носителя опыта и знания в обучении – особенно интенсивно вытесняется из образовательного процесса «пос всем фронтам». Мы наблюдаем, как преподаватель надеяется ролью

поставщика формализованных знаний и ролью пассивного удаленного наблюдателя за процессом прохождения учащегося через «модули» электронного образовательного ресурса (тьютора). Нас готовят к тому, что «в цифровом мире вуза, существующего в текущем виде, больше не будет. Образовательная система станет сетецентричной экосистемой, в которой образовательные организации трансформируются в провайдеров образовательных сервисов различного размера... Дети, которые будут жить в начале 2020 годов, в принципе, смогут прожить жизнь, ни разу не зайдя в школу и в университет» [2].

Потребитель дистанционных форм получения компетенций видит плюсы хорошо выстроенных дистанционных курсов – мобильность доступа к обучающим ресурсам из любой точки, где оборудована инфраструктура глобальной сети, простота и приятность обучения (благодаря методам игрификации, мультимедийным технологиям, тестам с закрытыми ответами, использованию подсказок и наличию под рукой Интернета, создающего у обучаемого в Интернете иллюзию легкодоступной осведомленности, всезнания и т. д.); учащийся при наличии финансовых возможностей может выбирать материал для освоения по своим интересам (хотя уровень материала зачастую дилетантский, а проверить достоверность и полезность материала для профессиональной деятельности обучаемый зачастую не может, будучи предоставлен себе наедине с электронным ресурсом). У электронного учебника или видеозаписи лекции довольно линейный алгоритм трансляции информации, это именно одностороннее информирование без обратной связи (односторонность контактов, недоступность и анонимность вообще является негативной стороной цифровизации любых услуг). У электронного курса не спросишь разъяснений трудной части, не решишь нестандартной ситуации, не заложенной в алгоритм среды разработчиками, когда такая ситуация возникает в процессе обучения или выходит за рамки предписанной системой траектории обучения. Потребитель образовательной услуги в дистанционной форме приучается к пассивному и аутичному социальному опыту – и это оказывает негативное социальное слияние вообще на всю социальную практику. К такой же пассивной социальной роли потребителя неких услуг

4 <https://phsreda.com>

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

(государственных, медицинских) приучает граждан и социальная практика цифрового общества и в других сферах – политической, досугово-культурной, даже в межличностном общении. Дистанционные формы социальных контактов, которые мы невольно начинаем осваивать в нынешних «тестовых» условиях вынужденной эпидемической изоляции – могут стать прообразом новой – цифровой – социальной реальности с «особыми» правилами существования «цифрового общества».

Между тем, как показали исследования, размер социальной группы, с которой индивид выстраивает близкие социальные контакты, положительно сказывается на развитии коры головного мозга. Так, изучая поведение групп обезьян, британские биологи обнаружили, что жизнь в больших коллективах стимулирует у обезьян увеличение объема серого вещества в нескольких отделах мозга, связанных с обработкой социально значимой информации.

Идея о ведущей роли общественного образа жизни в прогрессивном развитии мозга у приматов и у человека, стала в последнее время почти общепризнанной среди приматологов и антропологов. Предполагается [3, с. 244–256], что именно жизнь в больших, сложно организованных коллективах со сложными межличностными связями стала главным стимулом когнитивной эволюции человека (показано, что у обезьян размер неокортекса положительно коррелирует с размером группы). У *Homo sapiens* размер некоторых отделов мозга (а также мозга в целом) положительно коррелирует с общительностью, которую можно оценивать как по результатам специальных психологических тестов, так и просто по количеству друзей и знакомых. Теория социального интеллекта предполагает, что жизнь в большом коллективе увеличивает нагрузку на определенные отделы коры головного мозга – «тренируя» и развивая их, может вести к увеличению объема серого вещества в этих отделах [4, с. 697–700].

Представляется, что безальтернативная тотальная цифровизация образования (и в целом цифровизация социальных процессов как общая тенденция социальной атомизации и «одиночества в сети») социально небезопасна. Она обедняет и упрощает коммуникацию, а в культурном плане – создает угрозы для

корпоративной цензуры знаний, создает опасность тотальной цифровой подконтрольности и жесткой регламентации жизни общества, – опасность вхождения нашей «техноцентричной» цивилизации в фазу «цифрового феодализма». Цифровизация образования хорошо отвечает корпоративным задачам дальнейшего «сращивания» человека как потребителя цифровых услуг с сетевыми корпоративными платформами, обусловливая социальное бытие – виртуальной средой. Эти процессы порождают угрозу утраты возможности и способности людей в перспективе действовать вне цифровой среды, вне «цифровых регламентов» социального поведения.

Навязывание цифровых форм взаимодействия между всеми структурами и гражданами, стремление привязать человека по всем направлениям (работа, быт, образование, развлечение, свободное время и самореализация) к продуктам ИТ-производства и «цифровым» практикам продвигаются быстро и настойчиво, создавая угрозы социальной безопасности общества.

Список литературы

1. Миронова Н.Г. Социальная функция цифровых образовательных платформ // Опыт образовательной организации в сфере формирования цифровых навыков: сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции с международным участием. – Чебоксары, 2019. – С. 63–68 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42397704_33896310.pdf
2. Концепция «Единая цифровая образовательная экосистема», авторы – команда экспертов ИТ-компании IBS, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ibs.ru/media/media/kontseptsiya-edinaya-tsifrovaya-obrazovatelnaya-ekosistema>
3. Horváth K., Martos J., Mihalik B., Bódizs R. Is the social brain theory applicable to human individual differences? Relationship between sociability personality dimension and brain size // Evolutionary psychology. 2011. V. 9. P. 244–256.

4. Sallet J., Mars R.B., Noonan M.P., Andersson J.L., O'Reilly J.X., Jbabdi S., Croxson P.L., Jenkinson M., Miller K.L., Rushworth M.F.S. Social Network Size Affects Neural Circuits in Macaques // *Science*. 2011. V. 334. P. 697–700.